

ПРОЧУВСТВОВАНО В ТВОИ 20

МОЛОДЫЕ РАССКАЗЫ

МОЛОДОСТЬ - ЭТО ПРЕОДОЛЕНИЕ
НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Илья Рыжов

Илья Рыжов

Молодые рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435975

ISBN 9785005018632

Аннотация

Сборник состоит из 8 рассказов, в которых главные герои молоды, амбициозны и неопытны. Они входят в большой, «взрослый» мир и сталкиваются с несправедливостью, жестокостью и обманом. Молодость – это не про покорить мир и завоевать успех. Молодость – это про нахождение своего собственного счастья в этом мире взрослых. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Архангельская	7
Глава 1. Страх	7
1	7
2	9
3	15
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Молодые рассказы

Илья Рыжов

© Илья Рыжов, 2019

ISBN 978-5-0050-1863-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Привет, друг!

Это ещё не сама книга, это – лишь предисловие, знакомство или легкая закуска перед основным блюдом. Можешь

звать это, как пожелаешь. А для начала позволь представить-ся и рассказать, что тебя ждет!

Меня зовут Рыжов Илья и я автор этой небольшой, но интересной книги. Хватай мою руку, не бойся, и я проведу тебя в свой немного грустный, немного хмурый мир, но в котором непременно хочется жить, чувствовать, любить и быть человеком. Давай вместе со мной в путешествие!

«*Архангельская*» – это милая, нежная девочка, ради которой хочется делать всё на свете и ещё немножко. Она росла в счастливом детстве и не могла подумать, что в мире может быть что-то злое, неприятно и обманчивое.

В «*Философе*» вы найдете своего друга, маленького члена семьи, который всё видит и всё слышит, только, может, не всё понимает.

За «*Секунду ярости*» вы поймете, что всё, что с вами ни происходит в жизни – плохое и хорошее, справедливое и подлое, – всё случается неспроста, и обязательно вас приведёт к верному, к настоящему, к вашему.

В «*Эпичной сцене*» перед тобой разыграется настоящая драма двух потерянных запутавшихся людей. Но не спеши делать выводы – не всё то, чем кажется на первый взгляд.

В «*Удивительной новости*» ты попадешь на кухню к двум друзьям, на которых свалились тяготы сегодняшнего мира. И они пытаются с ними стойко справляться. А ещё и новость удивительную узнаешь!

В руководстве «*Для невесток*» ты узнаешь, за кого сле-

дует выходить замуж, а кого лучше обойти стороной. При чем это будет полезнее как для тебя, так и для общества. Ну ладно, шучу – не могу же я тебе диктовать, кого любить, а кого нет.

За «*Застольем*» ты расслабишься, отхлебнешь холодного вкусного пива, забудешь обо всём и даже сможешь порассуждать на темы весны, сосулук и жизни.

И наконец принимая «*Тяжелое решение*», ты столкнешься с непередаваемой саморефлексией, сухой правдой, которую обрушивает на себя персонаж. Но как бы не так – ты же помнишь, что всё не то, чем оно кажется на первый взгляд.

Пожалуй, это всё. Мне осталось пожелать тебе счастливо-го путешествия и пожелать вечно быть молодым. Ведь молодость – это не возраст, это то время, когда ты растерян, когда ты не знаешь ни себя, ни мира. В это время ты ещё не знаешь до конца, кто ты есть, кем тебе стоит быть, отчего тебя переполняют бесконечные вопросы. Но это время прекрасно тем, что ты узнаёшь, что ты стараешься и в конце концов находишь своё место! И как ты думаешь: «Так стоит ли возвращаться в это время?»

До скорой встречи, добрый друг!

Если ты хочешь следить за моими последними обновлениями, подписывайся на мой инстаграм: @ryzhovilya – порассуждаем о литературе, о книгах, о писателях, о жизни, нашей и будущей.

Архангельская

Глава 1. Страх

1

Аглая Архангельская была маленькой доброй и милой девочкой. У неё сочное и нежное личико, как мягкая абрикоска. Прямые русые и короткие волосики у неё вечно дергались, вертелись и закручивались, потому что она охотно крутила своей головкой – ведь повсюду было очень много всего красивого и интересного. Ещё она носила розовую панамку, отчего вид у неё становился важным, деловитым, делавшим её сыном, вернее, дочкой полка... Эта была та девчушка, ради которой хочется сделать всё на свете и всё равно этого было бы недостаточно.

Она росла в счастье и радости. Родители её оберегли от всех жизненных невзгод, она никогда не знала, что на детей могут кричать, не говоря про телесные наказания. Она и подумать не могла, что есть люди, которые могут предать, обмануть или даже посмеяться над тобой. (Об этом она узнавала постепенно.) Благодаря её отцу, она верила, что мужчины всегда сильные, крепкие, всегда достанут, что угодно, –

хоть аленький цветочек, хоть учебник английского, которого нигде не найти, – держат слово и могут подарить игрушку просто так, ни с того ни с сего... Она безмерно любила своих родителей, радовалась, когда она с ними, и грустила, когда далеко.

Аглаю родители воспитывали, стараясь привить ей качество, которое очень сложно описать и нынче оно совершенно непопулярно ввиду противоположной доминирующей мысли общества. Родители пытались донести до девочки, что куда важнее «давать», чем «брать», куда важнее «быть», чем «иметь». Её довольно умный отец часто расходился в философствованиях на темы бытия, развала русской идеи, на божьи темы (причем начать он мог с обычной детской поделки или неудачных любовных отношениях), и конечно, девочка пяти лет мало чего понимала, если вообще что-то понимала. Мать всё время приговаривала: «Не морочь ребёнку голову», – и отец замолкал с извиняющейся улыбкой. Тогда он просто говорил простой пример: «Аглаш, вот смотри. Если я дам тебе эту игрушку, ты будешь рада. И даже если я эту игрушку очень сильно люблю, но тебе она принесет радость, я её всё равно тебе дам. Понимаешь?», – девочка всегда кивала, но всё равно смутно его понимала. Ей нравилось слушать отца, и она всецело ему верила.

Главная особенность России – в том, что «своя рубашка ближе к телу» и «свой среди чужих и чужой среди

своих». Иными словами, наши дачные участки огорожены высокими непробиваемыми заборами; сортировать мусор проблематично, лучше выкинуть бутылку на соседний участок... «В Москву! В Москву!» – завет чеховских трёх сестёр оказался заветом всей России. Каждый мечтает попасть в эту крепость, огороженную Третьим транспортным, садовым и бульварным кольцами... Пробриться через эти три бастиона, пробраться в самое сердце – и тогда, и тогда... И тогда – да!

Аглая родилась и выросла на Волге. На широкой, необъятной, уходящей за горизонт. Каждый раз, когда девочка проходила по набережной и видела эту Реку, – ей всегда казалось, что Волга её обнимает, и сама Аглая станет такой же большой, щедрой, необъятной и, конечно, важной в панамке...

Она так и жила и была несчастна.

2

В садике было аж двадцать детей. С каждым Аглая была знакома, делилась секретами, помогала собирать паззлы, если они не сходились, вместе собирали шишки и каштаны. Она старалась быть отзывчивой и доброй. Пыталась помогать шить, продевать нитку в иголку, но с этим у неё у самой не клеилось, она на это очень досадовала и расстраивалась.

Ей очень нравилась их воспитательница. Марина Витоль-

довна Грач, сухопарая, высокая, как столб, женщина, с костлявыми руками и зализанными хвостом, всегда носившая длинные в тёмно-фиолетовых и тёмно-бардовых тонах платья с рюшами, только казалось злой и строгой. Как только Аглая её увидела, очень сильно испугалась и подумала, что это какая-то страшная и злобная ведьма, на съедение которой хотят отдать её родители. Но в первый же день, на первом же слове Марины Витольдовны, Аглая поняла, что это добрейшая и милейшая женщина.

– Дети! Давайте понсики кусать! – сказала Марина Витольдовна с полукруглой пряной улыбкой, от которой всё её лицо разошлось в кружках и овалах.

У Марины Витольдовны был очень смешной голос. Не видя её, а только слыша, можно было подумать, что говорит одна из маленьких девочек в саду. Её голосок пищал, всхлипывал тонко и нежно, а когда она чихала, даже воробушек не боялся и не отпрыгивал от неё, а принимал за своего сородича и подлетал к ней пожелать здоровья.

Марина Витольдовна очень приятно улыбалась всем детям, сидела всегда прямо, двигалась медленно, забавно досадовала на погоду: «Ох уж этот дождик! Мокрит и мокрит! Эх, даже не знаю, что же нам поделывать сегодня...» Взмахивала руками, как птичка, мотала головой, как куколка, отчего Аглая смеялась и покрывалась румянцем от игрушечной воспитательницы.

Марина Витольдовна была довольно впечатлительной

женщиной, и впечатлиться она могла из-за изменившейся погоды или из-за недоеденной каши: «Эх что же это такое!», или «Ох чем же нам позаниматься!», или «Ой, как же вы кашку не кусяете». Она так сильно пищала порой, что шипящие звуки у неё заменялись на «с» или «з». Это забавляло Аглаю, и она думала, что её воспитательница – свистулька.

На самом деле Марина Витольдовна была аристократических кровей. Её прапрадед был потомственным дворянином непонятно толком в каком поколении – то ли в десятом, то ли в одиннадцатом. В революцию семнадцатого года её предки уехали, само собой, за границу, через Европу в Америку. Дед был заслуженным и высококвалифицированным врачом, а бабушка – педагогом с почётной буквы. Так что они не испытывали никаких проблем по жизни, кроме той, что их потомственного семейного поместья больше нет. Экспроприировали его их же кухарки, гувернантки, няньки и рабочие, которые оказались до дури конформны и безмозглы.

Родители Марины Витольдовны пошли по стопам бабушки и дедушки, тоже стали почетными врачами и учителями, путешествовали по всему миру, возили с собой Марину. Бабушка и дедушка так часто говорили о том потомственном поместье, что Марина уже начинала думать, что она тоже там жила. Но когда они заканчивали описывать прекрасное прошлое, Марина возвращалась в настоящее, и ей становилось до скрежета жаль семейной утраты. Поэтому она решила вернуться в Россию рано или поздно, отыскать семей-

ную усадьбу и возродить в ней род семьи Грач.

Уехав от родителей, когда ей исполнилось восемнадцать, она направилась в Москву поступать в МГУ. Главная цель её приезда, конечно, была семейная. В МГУ она не поступила. Долго сдавала экзамены, разговаривали с деканатами и не могла понять, почему её категорически не хотят принимать. В её иногороднем взгляде и чужеземном нраве все видели зазнайство и высокомерие, и она приехала в разорённую Россию специально для того, чтобы попричитать их животную натуру, научить жизни и захватить вожжи разбуянившейся повозки России. Ей никто не доверял, смотрели косо и расползлись слухи, что она дочка какого-то еврейского предпринимателя, который спровоцировал крах России, первым пришёл в неё и начал всё скупать и наживаться на только-только открывшемся российском рынке. Но он долго не протянул, бывшие НКВДшники устроили ему гоп-стоп и с тех пор этого еврейского предпринимателя не видели. И вот приехала его дочка мстить...

На те деньги, которые ей дали родители, она сняла хороший номер в гостинице и заселилась сразу на неделю.

В Москве она впервые увидела «Геленваген». Лица людей её устрашали. Она не понимала, почему они как будто скалятся (а Марина всегда элегантно одевалась и носила перчатки и шляпки), почему мужчины носят безвкусные малиновые пиджаки, большие золотые цепи. Россия девяностых годов ей не понравилась совершенно. Дедушка и бабушка

много ей рассказывали о страшных годах революции, и она подумала, что в России она всё ещё идёт.

У неё была карта с точным местоположением поместья. Его было несложно найти, оно было в Подмосковье и называлось по их фамилии – Грачёвка.

На третий день она села в электричку и поехала. Она нашла тот самый дом. Ту самую усадьбу.

– Ты чё, сука, зыришь? Не музей, бля, – крикнуло ей дружно пахнущее животное в одном рваном ботинке, с черным фингалом и земляными руками. Оно сидело чуть поодаль калитки, на сломанной скамейке, и что-то пило из грязной зеленой бутылки.

Марина Витольдовна отошла на безопасное расстояние, постояла полчаса, развернулась и ушла. Всю дорогу до гостиницы она безостановочно плакала.

Их семейная усадьба сгнила как в материальном, так и в духовном плане. Разбитые стены, пробитая крыша, на сохранившихся стенах нецензурные позорные надписи, сарай разнесён, а большой купол в центре дома, который был главной достопримечательностью и реликвией усадьбы, не существовал боле. Их прекрасный сад из вишневых, яблочных и грушевых деревьев стал похож на развороченное минами поле. Из дома, или его остатков, доносилась пьяная брань, женские непристойные стоны и виделись оборванные волосатые лица бездомных. Ей стало грустно, ей стало так больно и обидно перед своей семьей, что она не смогла вернуться

к ним в Лугано, где они сейчас доживали свой век, и решила остаться в России.

Всю дорогу в электричке она плакала про себя. Когда у неё кончились слезы, она просто отключилась. Проводник на конечной остановке её разбудил. Он был не пьян и более-менее добр, так что ей повезло... Она только не обнаружила своего кошелька, но вернулась в отель в целости, только с надтреснутой душой. Она решила обосноваться в Москве и не возвращаться к родителям – не печалить их. Она не знала, что будет делать дальше. Перебивалась с одной подработки на другую. Бедствовала, горевала, плакала... И в итоге, оказалась в этом детском саду, в котором она работает уже десять лет. У неё были мужья, но все сволочи в малиновых пиджаках...

Она часто вспоминала этот горестный эпизод, но никто об этом никогда не знал. «Ох, девочки-девочки! Нельзя же так! Это неподобающе! Посему вы не причесиваетесь? Девочка всегда должна быть причесана... Ох, это ужасно... просто ужасно...» – и последними словами она вспоминала те далекие и режущие сердца женские стоны из семейной усадьбы, людей в грязи, заросших так, что лица уже не видно, и совершенно ужасных, просто ужасных.

Так встретила Россия Марину Витольдовну Грач, потомственную дворянку, дочку заслуженных врачей и учителей, где она и осталась на всю жизнь. Ей было неприятно окутаться в эту грязь, мерзость, но ещё неприятнее ей было вы-

возить эту грязь и мерзость к своим родителям, в Европу, в мир. Она бы попросту не смогла смотреть «запачканными» глазами на облагороженный мир.

3

У Аглаи было три весёлых подружки в садике: Дуся, Нуся и Муся. Так, по крайней мере, звала их Марина Витольдовна. Она любила всё старинное.

С подружками Аглаша общалась близко. Утром всегда подбегала первым делом к ним, целовалась, приветствовалась и они бежали играть и делиться секретиками.

У них было своё место. В уголку комнаты стоял круглый детский столик. Он был на пластмассовых ножках, сервирован на четыре персоны детскими фужерами, чашечками и чайником. Усаживались они всегда на одни и те же места, на свои – и Муся принималась хозяйничать. Ей это очень нравилось: разливать чай, кипятить чайник и есть вкусные невидимые пирожные, – эти игры приносили ей больше всего удовольствия.

– Аглаш, ещё рано. Он горячий, – любила останавливать торопливую Аглаю Муся, когда та бралась за кружечку.

Нуся пила невидимый чай и ела невидимые пирожные только, когда ей говорила Муся.

– Ань, ну кушай. Я же всё накрывала. Почему ты не кушаешь? Не нравится?

– Нравится, нравится, – отвечала грустная Нуся, бралась за чашечку, один раз чавкала и ставила на место.

– Вот так. А теперь пирожочек, – добавляла Муся и протягивала пустую тарелочку. Нуся брала и засовывала целиком в рот.

Она не очень-то и любила эту игру. Нусе редко что вообще нравилось. Когда дети играли в вышибалы, её всегда выбивали первой и она сидела, положив голову на ручки, и не следила за игрой. Когда смотрели смешной мультик, Нуся не смеялась. Когда дети играли в догонялки, она всегда дальше всех убегала и о ней забывали.

Неделю назад ей родители подарили плюшевую игрушку, чёрного крота в синих шортиках на лямках, так теперь она всюду таскала его с собой, не выпускала из рук и иногда гладила. Когда дети у неё отбирали её игрушку, то она не плакала и гонялась за ним, а просто садилась на пол и начинала беззвучно всхлипывать. Это была жалостливая, молчаливая девочка.

Дуся считала себя самой главной в этой компании и вообще в садике. Даже главней Марины Витольдовны. Она не воспринимала воспитательницу, очень её не любила и постоянно старалась посмеяться над ней, потому что считала, что Марина Витольдовна смеялась над ней.

– Дусенька, сядь, пожалуйста, ровно. А то спинка будет неровной, как крючок. Ты же не хочешь быть крюськом? – говорила Марина Витольдовна, когда подходила к их месту

и принималась им подыгрывать.

– Я Евдокия! И у меня красивая спинка, ясно? – отворачивалась и хваталась за чашку.

– Хорошо-хорошо, я и не говорю, что у тебя она не красивая, что ты... – пугалась всегда Марина Витольдовна резкости девочки и обращалась к другим. – Нусь, как твой кротик поживает?

– Заболел... – удручённо вздыхала Нуся.

– Ой, какая беда! Может, ему чайку дать?

– Мо-оже-ет... – лениво растягивала Нуся и подавала чай игрушке. – Не хочет.

– Ох, ну попозже дашь тогда. Мусь, ну как же так? Ты что, так нельзя! Нельзя же на одну тарелку выкладывать и печенья и пирожные вместе. Ну ты что, как я тебе показывала?

– Ой, а я совсем что-то замоталась, завертелась. Совсем что-то уже не вижу. Замудохалась совсем...

Марина Витольдовна улыбалась подвижной девочке, которая напоминала ей няню – такую же хозяйственную, подвижную, ругающуюся на пыль, на грязные штанишки, на недоеденную кашку, на покосившуюся причёску.

– Аглаш, ты сегодня будешь рассказывать стишок? Выучила?

– Да! Буду! – вскрикивала Аглая и расходилась краской. Марина Витольдовна потрепала её за макушку, сказала детям, чтобы они развлекались и не баловались, и отошла с грустным вздохом. Она всегда отделяла Аглаю от компа-

нии Дуси, Муси и Нуси (поэтому и называла их так), потому что видела в ней что-то светлое и неуловимое, аристократическое.

Марина Витольдовна видела в Аглае свою молодую бабушку. У неё сохранился целый альбом со старыми потёртыми фотографиями, где её двадцатилетние бабушка и дедушка вместе со своими родителями играют перед усадьбой. Перед той самой усадьбой... И бабушка такая красивая на фотографиях, в таких светлых, атласных платьишках, у неё такие коротенькие волосы и... В общем, Марина Витольдовна всегда могла распознать родную душу, интеллигентную и добрую.

– Моя мама говорит, что наша воспитательница стерва, – сказала Евдокия. Девочка, если можно так сказать, была всегда более продвинутой её сверстниц. Она всегда старалась подслушать разговоры взрослых, говорить их словами, даже если не понимала их смысла, перенимать жесты и взгляды.

– А что это? – спрашивала Муся.

– Это та женщина, которая говорит приятные слова, но на самом деле говорит плохие слова, – объясняла Дуся, строя из себя учительницу. Ей всегда нравились роли «свысока».

– Это как это? – допытывалась Муся.

– А так, когда она говорит, что ты хорошая и молодец, то думает она, что ты нехорошая и не молодец.

– Вот и мой кротик также... Он говорит мне, что всё с ним

будет хорошо, а думает, что будет не хорошо, – тихо проговорила Нуся.

– Ань! Это игрушка! С ней всегда всё будет хорошо! – вскричала Дуся.

– Вот и он мне также говорит...

– А мне кажется, что Марина Витольдовна очень добрая и хорошая, – заговорила Аглая.

– Это потому что она тебя хвалит и просит рассказать стишок. А на самом деле она не любит детей.

– Нет, это не так...

– Так-так, и ты это знаешь!

– Детишки! – закричала Марина Витольдовна. – Сейчас будем кушать. Полдник! Помойте ручки и стройтесь у кухни. А я проверю...

Аглая, Нуся и Муся резво поднялись и побежали мыть ручки. Дуся встала последней, опрокинула чашечку Аглаи и неохотно пошла на кухню.

Ангел Дуси: «Вот и зачем ты это сделал?»

Чёрт Дуси: «Как это зачем? Я вообще-то Чёрт!»

Ангел Дуси: «Я имел в виду, какой сейчас был повод для этого?»

Чёрт Дуси: «Вот какой же ты недалекий... Аглая выпендривается! А выпендрожников надо приструнить! Понял?»

Ангел Дуси: «Она же не виновата, что Марина Витоль-

довна...»

Чёрт Дуси: «Ой, причем тут ещё эта Малина Пердольевна... Её давай ещё сюда впутай... Нет-нет! Ты думаешь, почему она стилок будет рассказывать? Потому что она его выучила? Фиг там, за неё папашка попросил, по блату, ты понял?»

Ангел Дуси: «Вот откуда ты это взял?»

Чёрт Дуси: «Так, давай не учи меня тут. Я хорошо делаю свою работу, я твердо стою на плечах! А ты где? Еле ползёшь, безногий...»

Ангел Дуси: «Я даже не успеваю...»

Чёрт Дуси: «Твои проблемы!»

Известно, что у каждого за спиной живут Ангел и Чёрт. Ангел – на правом плече, Чёрт – на левом. Каждый из них оберегает нас от потусторонних напастей и внушает в нашу голову мысли, ангельские или чертовские. Но человек сам выбирает, кого послушать и на какую сторону встать в том или ином случае. Выбирает Ангела – Ангел побеждает и в этом случае Он может уколоть Чёрта. Выбирает Чёрта – тогда Чёрт побеждает и может ударить Ангела. Но... дело в том, что отдельный Ангел и отдельный Чёрт не могут победить друг друга, им нужна некоторая помощь своих соратников, которые витают за плечами других людей.

– Аглаш, – подошла на полдник Марина Витольдовна к де-

вочке. – Там за тобой приехали пораньше. Тебе пора... – с грустью заключила воспитательница.

– Уже? Папа приехал? Подождите, я ему скажу, что мне стишок надо рассказать, и тогда пойду, хорошо?

– Нет, Аглаш. Там за тобой водитель приехал. Сказал, что папа не смог и тебе нужно сейчас ехать на занятия.

– Ах, ну да... Точно. Вспомнила... – Аглая перед школой начала заниматься у репетитора английским языком, математикой и русским. Ей очень нравилось заниматься языками, а математика была непонятной и скучной. Сегодня как раз-таки были языки, но из-за просьбы Марины Витольдовны рассказать всем детям стишок, она совершенно об этом забыла.

Аглая допила компот, поставила на поднос и пошла в прихожую. Там её встретил водитель Вова. Он сказал ей привет, спросил, как день прошёл, попросил прощения за отца, у которого подвернулась срочная работа в Москве. Ей стало немножко грустно, но когда Вова дал ей игрушку, которую передал отец, ей полегчало, но не сильно.

4

Вечером Аглая вернулась после репетиторов грустная и расстроенная. Её учительница сказала, что ей нужен новый учебник и его нужно принести уже завтра, иначе они попросту не успеет подготовиться. А у самой учительницы этого

учебника не было. Они объехали с Вовой все книжные города, и не смогли найти. И Аглая села у окошка и пустила тихую слезу.

– Ну ладно, Аглаш, не плачь. Сейчас что-нибудь придумаем, – сказал Вова и ненадолго задумался. – Посиди пока тут, я сейчас подойду.

Водителя Вовы долго не было, и Аглая начала беспокоиться в машине. Через сорок минут он пришёл, вынул из пакета учебник и дал его Аглае.

– Вот, держи! – улыбнулся Вова золотым зубом.

Аглая так обрадовалась, что обняла Вову. Когда они приехала домой, она сразу побежала к маме и всё рассказала: и как они долго ездили по городу, и какой Вова молодец и всё и всё.

– Ну вот видишь. Всё можно сделать. Ну иди играй, – сказала мама. Аглая убежала, а её мама осталась с Вовой.

На следующий день мама сама отвезла девочку в садик. Они опоздали.

Её подружки уже сидели на своих местах за столиком и играли.

– А вы знаете, что такое сука? – спросила шепотом Евдокия.

– Нет, расскажи! – попросила Муся, разливая всем чай.

– Это в общем... ну... Ну это то слово, на которое обижаются взрослые.

– А почему они на него обижаются? – спросила Нуся.

– Потому что оно значит девочка собаки.

– Что значит? Это как? – не понимала Муся, отхлёбывая чайку.

– Да что вы как маленькие! Сука – это девочка и собака.

– Фу... Это что, монстр? – брезговала Муся.

– Нет, монстры, я слышала, это лошадь и человек, – вставляла Нуся.

– Да что вы такие глупые! Нет, это не монстр и не лошадь и не человек! Вот есть собака, знаете?

– Конечно! У меня дома пудель есть. Белый, у него уши ещё такие... – рассказывала Муся.

– Неинтересно, Маш, подожди. Вот, а есть мальчики, а есть девочки.

– Девочки лучше! – крикнула Муся.

– Да подожди ты! Ну это понятно... Так вот...

– Привет, девчонки! Сегодня с мамой ехали, чуть задержались, – подбежала Аглая и со всеми обнялась.

– А чего тебя водитель не привез сегодня? – сложив руки, спрашивала Дуся.

– Не знаю. Мама сказала, что сама хочет меня отвезти.

Потом ей позвонил папа, и она сразу уехала.

– Ааа... Ну понятно, – проговорила Евдокия.

Чёрт Дуси: «Ну что ты думаешь, ну! Давай»

Ангел Дуси: «Стой! Также нельзя... Подумай, зачем ты будешь...»

Чёрт Дуси: «Кто всегда был прав? Я или этот? Ну!»

– Аглай, – начала Евдокия. – А знаешь, что такое сука?

– Нет, какое-то странное слово... – чуть зажалась Аглая.

– Нет, ну ты чего. Это наоборот очень хорошее слово. Оно значит, что ты очень хорошая, добрая и приятная.

– Правда?

– Ну конечно! Я тебе что, врать буду. Вон кстати, наша воспитательница идёт. Ох, она такая хорошая, прям и не знаю, как сказать... – и многозначительно Дуся взяла чашечку.

– Привет, девчонки! – подошла Марина Витольдовна. – Как вы тут? Чаёвничаете уже?

– Марина Витольдовна! – торжественно встала Аглая. – Вы – сука! – и обняла её.

У Марины Витольдовны захватило дыхание. У неё затряслись руки и выкатились глаза. Она не слышала таких слов со своего приезда в Россию в девяностые, с того самого момента, когда она стояла у калитка семейной усадьбы... От дикого животного... И сейчас... От маленькой девочки... Которую она считала особых кровей... «Что же это? Разве уже нет... нет... Нет интелли... людей?» – проглатывала слова Марина Витольдовна.

На неё вновь нахлынули все далёкие воспоминания, которые уже давно для неё стали второстепенными, ушедшими. Если и вскакивали в голове, то вместе с ними приходи-

ла лишь грусть, но никак не боль, не досада и не страдание. Но сейчас она вновь услышала это самое слово – от такой хорошей маленькой девочки, которая напоминала её бабушку!

Дуся закатилась громким раскатистым смехом. Она подстрекала Нусю и Мусю смеяться вместе.

– Ев, так что это слово значит? – тихо спросила Муся.

– Ну ты совсем глупая? Я же тебе сказала, это собака только девочка, как и мы.

– Ааа... Поняла. А что, собаки тоже бывают мальчиками и девочками?

– Маш, не тупи!

– Так подожди-подожди. Если девочки лучше всех, то и собаки девочки получают тоже? – спросила Муся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.